

* * *

Прижимаясь к теплу, стану слушать, как велика Москва, где живут 12 апостолов.

Мне все люди говорят, что я взрослая, а у меня в бумажнике 15 копеек и в душе вечный Беринг, берег и Рерих.

Я кипячу чайник, боясь обжечься, и видела путь Млечный всего пару раз в этом столетии.

Вечное всегда где-то близко.

На кончике коромысла медонесущей коровы.

От страха больше влажности, чем урона.

Вровень

с моей поясницей всегда ходят дети.

Каждый третий –

пустой, чужой и безликий. Постой! О чем это я?

Ах да, о нитях.

Начнем: выноси вещи за порог квартиры и времени.

Думаешь, просто мне?

Мое время растет на звук, и чем его больше, тем я старше.

Звуки идут по мне звонким маршем, и я старею.

Но так и не становлюсь взрослой –

Ломаются только кости тела.

Эдакая душевная химера, которую мудрецы зовут инфантильностью.

Продолжаю писать кириллицей и выдумывать Мефодицу.

Продаю инфантильность на полставки и в розницу,

Мануфактурно создавая латы отличницы.

Но мы сбились. Я ведь об инакомыслии.

Знаешь, времени сразу нет, когда теряешь что-то любимое.

А без времени Пути тоже нет.

Проходя сквозь тернии, звездный свет рождает линии.

И в этих линиях – твой ответ.

Нам суждено с рождения быть слабыми телом и мертвыми духом,

Так зачем же тогда становиться сильными?

С гипертрофированным голосом, слухом и нюхом –

Это же ведь невыносимо!

Ежедневное насилие над всеми костями черепа.

Что же тогда заставляло рисовать Рериха и плавать Беринга?

* * *

Капельки встречались, стекались вместе, переговаривались и сливались в Великий Океан, становясь чем-то большим. Солнце, играя на их телах, преломляло Свет, создавая цвета и линии. Выщербленные волнами Камни пели свою симфонию, сотрясаясь от ласк Океана. Все было в Мире, и Мир был во всем.

Маленькая девочка шла по колючему песку. Мокрые песчинки кололи и щекотали маленькие ножки, разговаривая с клетками кожи. Думать было не обязательно – мысли были камушками и не принадлежали девочке. Чувства были волнами и катились, увлекая за собой ветер.

Шаги стали чем-то обыденным. Бесцельным, несущественным и, возможно, несуществующим. Просто таким образом тело разговаривало с Миром.

«И кто я такая, чтобы мешать ему это делать?» – сказала девочка и отправилась в путь.

Девочка прошла через варгов, варягов и греков. Они все назывались по-разному, но мало чем отличались друг от друга. И от нее. Греки сложно мыслили и считали, что каждое слово принадлежит тому, кто его сказал. Девочка не спорила, хотя и видела, что слова принесли птицы, а звуки для них создал мох.

Варяги заплетали волосы и вырезали линии на деревьях. Деревья не спорили, но им было грустно.

Варги спрашивали: «Хорошо ли быть человеком?» «Проблем хватает, но названия для них не придумали. Нерастворенные в дожде фразы выглядят глупыми и непойманными. Фамилии никогда не присваиваются полностью и все норовят сбежать, особенно у женщин. Женщину тут же ловит другая фамилия, но, не зная ее с детства, не имеет над ней власти, оставаясь только эпитетом, – ответила девочка. – Но иногда мне нравится».

Лезвие Океана вечно пересекается с параграфом суши, разворачивая свою целину наоборот. Чайка пропела, что скоро придет узник и обретет душу. Девочка слушала ее внимательно, но ноги не хотели останавливаться. Стопы окончательно подружились с мокрым песком и теперь напевали ему свои песни.

Спутником оказался медведь. Он пришел из темного леса с несвободной душой. Его уши не слышали музыку ветра, а лапы не контактировали с песком. Его мучила Вечность.

«Любви!» – прохрипел Медведь, обращаясь к девочке.

«У меня нет, – девочка пошарила по карманам платья. – Я всю отдала птицам. Но не переживай, мы найдем еще, если пойдем вместе».

«Все в этом Мире я, и все в нем – не я. Разница лишь в условностях и обеспечении гравитацией. Мир имеет много лбов и лиц, а вот фигуры у всех разные. Кто-то хвостат, а кто-то головаст, – думала девочка. – Иногда вырастают и водоплавающие, – она обернулась. – Но он точно пока не умеет летать».

Сакраментальность была озвучена, и за нее нужно было отвечать. По крайней мере, пока она была маленькой. Ответить могли или мышь, или мирское вождение. Первой они встретили Мышь, которая, тихо попискивая и приседая, привела их к старому храму.

Мраморных апостолов никак нельзя было смешать с тиной, только выкрасить заново. Медведь занялся этим, неловко держа кисть двумя лапами. Было трудно, но апостолы привлекали своей сдержанностью и тазом.

Голуби в храме говорили только стаями. Один начинал фразу, другой подхватывал, иногда третий заканчивал. Но голуби не любят заканчивать, им все едино.

Пандемониум разорвался звездами и упал на Землю. Из него зародилась суша. Осколки звезд из ближайшей речки стали отражениями душ. Вращался Мир, и вращалась Жизнь. Но никто не знал, что по кругу.

«Фантазии богоизбранных никогда не становятся пеплом», – подумал Медведь. Осталось узнать, кто избран и избран ли богом.

Девочка улыбалась, сидя на песке и смотря на крабов.

Она точно знала, что избраны все и сами собой. Поэтому у всего есть души, и для всего есть Путь и Случай.

Осталось только снять шкуру, панцирь и слова, чтобы не мешали дышать. Стать маленькой девочкой.

И твоя Душа проведет тебя по Пути к Случаю, который станет твоей Судьбой.

* * *

Это то, что гонит меня вперед каждый раз, когда все сыпется,

И когда хочется сжаться, спрятаться, убежать,

Развалиться на сотни металлических нитей –

Это то, что заставляет меня покидать кровать.

Удовольствие от прикосновения к сути вещей,

Когда кочерга к кочерге и суть к сути.

И пусть с каждым мигом я становлюсь старей,

Это меня никогда не отпустит.

Назови это силой, огнем, металлом,

Торжествующим божеством, тараканом

воспаленного мозга,

Но я хочу, чтобы ты слышал меня сейчас.

Я взрослая.

Я на самом деле давно взрослая, и я здесь и сейчас.

И я могу быть сразу маленькой и большой,

важной и второстепенной,

ходить строем или покидать строй –

И все это одновременно.

Я могу рисовать камнем и становиться ключом,

Я могу закрывать двери и рождать истории.

Я могу быть могильщиком, палачом, врачом,

Могу быть в реальности, могу быть в теории.

Могу быть нищенкой и вельможей,

Отчаянной могу быть и осторожной.

Потому что я пришла сюда – Быть.

И мне все можно.